

И.А. Швед, И.В. Повх
I.A. Shved, I.V. Povkh
Брестский государственный
университет им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)
Brest State A.S. Pushkin University, Brest

ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАРРАТИВОВ*

В статье рассматриваются особенности интерпретации устных нарративов в контексте деконструктивистской критики. Авторы анализируют основные особенности деконструктивистской методологии прочтения текста на примере сказочного фольклора и исторических нарративов. Особое внимание уделяется проблеме вариантного распространения текстов, стиранию границ между «оригинальными» и «производными» текстами, а также использованию литературоведческих и фольклористических работ в качестве объекта дальнейшей деконструктивистской критики.

Ключевые слова: постструктурализм, деконструктивизм, фольклор, нарратив.

INTERPRETING NARRATIVES IN THE FRAMEWORK OF DECON- STRUCTIVE APPROACH*

The article discusses interpretation of oral narratives in the framework of deconstructive approach. The authors present certain specific features of deconstructive reading with reference to folk tales and historical narratives. Special attention is paid to the issues of opening the text to dissemination, blurring the distinction between “primary” and “secondary” works as well as using literary criticism and folklore studies as further deconstruction material.

Keywords: poststructuralism, deconstruction, folklore, narrative

Деконструктивизм, нашедший воплощение в ряде социальных и гуманитарных наук, включая антропологию, этнологию, литературоведение, искусствоведение и др., рассматривается исследователями как одно из направлений постструктуралистской мысли, сформировавшейся под влиянием эпохи постмодернизма. Бесспорная принадлежность деконструктивистской критики философии постструктурализма обосновывается отрицанием не только структуры как объективного свойства текста, но и соответствия между семантическими структурами и комплексами, или моделями, психических реакций, определяющих пределы доступности для понимания [9]. С другой стороны, деконструктивистская критика не опровергает и не отрицает философских и научных достижений своих предшественников. Исследователь, как указывает французский

---

* Авторы выражают благодарность Белорусскому республиканскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку проведения исследования и подготовки статьи в рамках задания «Белорусская фольклористика в современном мире: методологический, проблемно-тематический диапазон, теоретические новации»; договор № Г20У-004, номер государственной регистрации 20201112 от 26.06.2020

* The authors want to express their appreciation and gratitude to Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research for the financial support that made it possible to carry out the research and prepare the article within the “Belarusian Folklore Studies in the Modern World: Scope of Methods, Themes and Issues, Theoretical Innovations” assignment; contract № G20U-004, state registration number 20201112 of 26 June 2020

философ Жак Деррида, всегда – сознательно или подсознательно – находится внутри конструкции, которую разбирает, используя её стратегические и экономические ресурсы как сложную структуру, не выделяя её отдельных элементов [4].

Опровергая конечность замкнутой структуралистской системы, постструктуралисты отдают предпочтение разнообразию интерпретаций и изменчивости смыслов. Поздний Ролан Барт, Жак Деррида, Мишель Фуко и другие представители постструктуралистской и деконструктивистской критики отрицают стабильность, целостность и замкнутость структуралистской системы, её бинарный характер и утверждение, что правильная позиция позволяет стороннему наблюдателю или читателю / слушателю понять её суть. Для постструктуралистов не существует единого смысла или оптимальной точки зрения, позволяющей раскрыть этот смысл. Соответственно, фундаментальными мотивами постструктуралистской мысли выступают плюрализм и децентрализация, а источником всех форм субъективности считаются маргинализация и супрессия [2]. Лингвисты, антропологи и другие ученые «децентрализуют» предмет своего исследования в соответствии с его законами и правилами, присущими ему лингвистическими формами или его мифическим и воображаемым дискурсом [5, с. 22].

Литературоведы и историки литературы используют деконструктивистскую методологию как инструмент анализа текста. Для деконструктивистской критики характерна интерпретация текстов без учета их целостности, общего смысла, выполняющего связующую функцию и определяющего место и роль каждого элемента в тексте. Деконструкция позволяет исследователю разобрать текстовые, культурные, философские и институциональные структуры на отдельные фрагменты. Деконструктивистская критика выявляет системные нарушения, незавершённость системы, ее неспособность существовать как единое целое. Основная задача деконструктивистской критики – разложить текст на компоненты и выделить функции образного языка, составляющие из этих компонентов новую структуру [7]. Предметом изучения деконструктивистов являются т.н. «вторичные» элементы – не сообщение, которое несёт в себе текст, а его внешняя и внутренняя логика, а также взаимосвязь с другими текстами, процесс создания и поддержания идеализированной модели устной речи путем различения устной и письменной речи и определения отдельных языковых трудностей как свойственных исключительно письменной речи, вторичной и производной по сравнению с устной [3].

Деконструктивистская парадигма анализа дискурса представлена в монографическом исследовании Жака Деррида «О грамматологии». Первый этап парадигмы представляет собой деконструкцию бинарной оппозиции между устной и письменной речью, нарушает общепринятое двуединство устной / письменной речи путём их взаимной перестановки; на втором этапе выявляется наличие третьего феномена («следа»), природа которого выходит за рамки дискурса и вследствие этого не подлежит определению. Грамматологический под-

ход не отрицает исходных понятий, а «вычеркивает» их. Одновременно видимые и невидимые, отсутствующие и в то же время присутствующие, они напоминают, что старое значение уже потеряно, и представляют собой «остатки», не допускающие образования новых значений. Текст теряет все, что противоречит содержанию сообщения, позволяя внимательному читателю проследить его «след» [4; 6]. Соответственно, ключевое значение в деконструктивистской критике приобретает переосмысление понятий «означающее» (*signifier*) и «означаемое» (*signified*). Абсолютизация и конечность разграничения двух вышеуказанных концептов требует введения «трансцендентального означаемого» (*transcendental signified*) во все лексические и синтаксические конструкции и, соответственно, его привязки ко всем «означающим». Результатом появления «трансцендентального означаемого» является так называемое «стирание (*effacement*) означающего»: воздействие объекта на самого себя, которое происходит в определенное время и не связано с влиянием внешних факторов, окружающей среды или реальности, другого «означающего» и т. д. Это уникальный, спонтанный, внутренний процесс самосоздания «означаемого» как концепта, превращения его в элемент идеального или универсального [4]. Ярким примером «стирания означающего» выступает сказочный фольклор. Осознание фантастического характера сказочного нарратива, отсутствия в нём достоверной информации вызывает отношение к его вербальному выражению как к «носителю» чего-то более важного, в результате чего сами слова, как оболочка, не задерживаются в сознании слушателя. Соответственно, ряд исследователей сказочного фольклора уделяет меньше внимания тексту сказки, «означающему» – реальное значение приобретает то, что находится за его пределами. С точки зрения фольклористов, наибольший исследовательский интерес представляет вариантность устного распространения сказок. Местные рассказчики создают на основе типов, форм и мотивов сказок новые сюжеты с уникальной структурой, выступающей в роли «означающего». Несмотря на использование типичных структур, созданные в результате данного процесса нарративы приобретают разные смыслы в зависимости от культуры, в которой они актуализируются, времени и «носителя». Таким образом, варианты одного и того же сюжета существенно различаются не только по форме, но и по содержанию. Объектом исследования могут быть отдельные элементы типовых сюжетов, но не их сущность и глубинный смысл. Каждая сказка имеет собственное смысловое наполнение, в то время как типы сказок могут иметь множество различных смыслов. Так, сравнительный анализ вариантов сказки о Красной Шапочке в интерпретации Шарля Перро и братьев Гримм показывает, что, в то время как основная проблема первого варианта – детское невежество, незнание окружающей среды и её опасностей, в результате чего глупое дитя получает то, что заслуживает, во второй версии детская неосведомлённость преподносится как естественное состояние, из которого вытекает потребность в присутствии взрослого рядом с ребенком и защите ребенка [8].

Деконструктивистская методология ставит под сомнение фундаментальное разграничение литературы / словесности, с одной стороны, и критики, с другой, основанное на концепции поиска критикой смысла, заложенного в литературе / словесности, а также на представлении литературоведческих и фольклористических текстов как источника специализированных знаний, не претендующего, однако, на статус «литературы» [9]. Используя потенциал вариативного распространения фольклорных нарративов и стирая разграничение между «оригинальными» и «производными» текстами, деконструктивистская критика преобразовывает закрытую систему, функционирующую по законам дефицитной экономики, в открытую автокаталитическую систему. Увеличение объёма теоретических исследований создает новые тексты для других ученых: сама теория действует как «производитель» текстов, которые будут «потребляться» будущими поколениями теоретиков. Это приводит к системному усложнению, вызванному увеличением количества литературоведческих и фольклористических текстов, а также тенденцией к их самоорганизации во всё более сложные структуры [6]. Заменяя риторику сознания риторикой текстуальности, деконструктивистская критика стирает грань между текстом и его интерпретацией. Стирание границы между словесностью и фольклористическим исследованием обосновывается тем фактом, что и само произведение, и его исследование являются текстами и, следовательно, подвержены одним и тем же методам анализа речевых средств и значения. Деконструктивистская критика не делает различий между тщательным прочтением вербального произведения и стратегией выявления коннотаций языка литературной критики. Актуальность проблемы авторского замысла и смысла, общей для всех форм текстов, не подтверждает приоритетного статуса литературы и второстепенной роли языка критических текстов [9].

Подобным образом, исторические нарративы сочетают в себе «документальность» и «нарративную историю» [2, с. 273]. В обоих случаях ни текст, ни его интерпретация не имеют первостепенного значения как «носители» смысла. Объективные факты и их субъективное восприятие перекликаются друг с другом, в то время как стремление скрыть это сходство и подчеркнуть различие между ними не приносит положительных результатов. Исследователи отмечают существенное расхождение интерпретаций проблемы «нарративной истории» во Франции 1960-х гг. и в англоязычных странах двух предшествующих десятилетий, где преобладала аналитическая философия. Наиболее очевидно данное расхождение проявляется на уровне отношения к нарративу как форме репрезентации и интерпретации. Оба подхода основывались на представлении о нарративе как об оптимальной форме репрезентации и интерпретации исторических событий. Однако, в отличие от французских ученых, англоязычные исследователи рассматривали нарративную историографию прежде всего не как идеологию, а как противоположность «философии истории», составившей идеологическую основу тоталитарных политических систем [10].

Анализ научных работ представителей постструктуралистского направления в философии, антропологии, литературоведении, лингвистике и других гуманитарных науках, а также их последователей позволяет рассматривать постструктуралистскую и деконструктивистскую критику как результат отхода от постулатов и переосмысления концептов структурализма, эмпиризма и «наивной» критики личного опыта как объекта дискурса. Среди основных особенностей деконструктивистской методологии выделяются «децентрализация» предмета исследования, утверждение многозначности каждого текста, акцентуация метафоры как неотъемлемого свойства любого текста и наличия ряда возможных интерпретаций вербальных текстов, открытости и неокончательного характера текстов, которым свойственна, помимо прочего, хаотичность, повторяемость и невозможность установления первоисточника. Деконструктивисты используют текст как основу для создания бесконечного числа новых текстов, тем самым отрицая фундаментальное разграничение литературы / словесности и критики, а также используя в качестве объекта исследования не только сам текст, но и его интерпретацию в работах других учёных.

Деконструктивистское прочтение фольклорных сказок демонстрирует потенциал базовой структуры как основы для создания ряда новых текстов с разными смыслами, которые, в свою очередь, получают множество различных интерпретаций. Все варианты одного и того же типа сказки имеют одинаковую ценность и степень аутентичности, а их интерпретации рассматриваются как новые версии, новые способы распространения одного и того же традиционного повествования [8]. Отвергая утверждение, что источником смысла является конкретный лингвистический или экстралингвистический феномен, постструктуралисты оспаривают гуманистический постулат о том, что одни сюжеты считаются первичными по отношению к другим, с одним «общим» сюжетом, основополагающим для всех остальных [1].

Деконструктивистская критика представляет собой не просто стратегическую инверсию чётко разграниченных независимых категорий. Она нарушает установленный приоритет и саму систему концептуальных оппозиций, на которых основана такая организация. Таким образом, деконструктивистское прочтение поддерживает тесную связь с текстами, составляющими объект исследования, демонстрирует частичное сходство текста с тем, что он [текст] пытается опровергнуть, и остаётся открытым для дальнейшей деконструкции собственных ключевых концепций. Деконструкция – это бесконечный процесс, результат которого стимулирует новое прочтение.

Список литературы

1. Armstrong N. History, Poststructuralism, and the Question of Narrative // Narrative. 1993. Vol. 1. No. 1. P. 45-58.
2. Caplan J. Postmodernism, Poststructuralism, and Deconstruction: Notes for Historians // Central European History. 1989. Vol. 22. No. 3/4. P. 260-278.
3. Culler J. The Pursuit of Signs: Semiotics, literature, deconstruction. New York: Routledge Classics, 2001. 272 p.
4. Derrida J. Of Grammatology. London: The Johns Hopkins University Press, 1997. 360 p.

5. Foucault M. L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969. 239 p.
6. Hayles K.N. Chaos Bound: Orderly Disorder in Contemporary Literature and Science. Itaca; London: Cornell University Press, 1990. 328 p.
7. Hendricks G.P. Deconstruction the end of writing: 'Everything is a text, there is nothing outside context' // Verbum et Ecclesia. 2016. Vol. 37, No. 1. P. 1-9.
8. Nodelman P. The Hidden Meaning and the Inner Tale: Deconstruction and the Interpretation of Fairy Tales // Children's Literature Association Quarterly. 1990. Vol. 15, No. 3. P. 143-148.
9. Norris Ch. Deconstruction. London; New York: Routledge Classics, 2004. 249 p.
10. White H. The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory // History and Theory. 1984. Vol. 23. No.1. P. 1-33.

Т.М. Пучинская
Т.М. Puchinskaya
*Барановичский государственный
университет (Барановичи, Беларусь)*
Baranovich State University, Baranovich

МЕЖПРЕДМЕТНАЯ СВЯЗЬ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУР ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ЯНКИ БРЫЛЯ И А.П. ЧЕХОВА

В статье рассматривается проблема изучения творчества Я. Брыля в литературно-художественной связи с произведениями А.П. Чехова. Показано, что реализация межпредметной связи белорусской и русской литератур способствует формированию литературной компетенции учащихся, создаёт новые возможности для повышения качества образования.

Ключевые слова: *межпредметная связь, Я. Брыль, А.П. Чехов.*

INTERDISCIPLINARY CONNECTION OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LITERATURE IN THE STUDY OF YANKEE BRYL AND A.P. CHEKHOV LITERARY WORKS

The article deals with the problem of studying the connection between the literary works of Yanka Bryl and A.P. Chekhov. It is shown that the implementation of the interdisciplinary connection of Belarusian and Russian literature contributes to the formation of literary competence of students, creates opportunities for improving the quality of education.

Keywords: *interdisciplinary connection, Ya. Bryl, A.P. Chekhov.*

Одной из задач преподавания литературы в школе является формирование литературной компетенции учащихся, которая предполагает систематизацию знаний о литературе как целостности [3]. Значимость развития обобщённого представления о литературе возрастает в старших классах. Использование межпредметных связей позволяет также повысить уровень культурологической компетенции учащихся. В условиях межкультурного обмена, глобализации актуальность развития представлений старшеклассников о белорусской литературе как о социокультурном феномене, её взаимосвязи с мировой литературой возрастает.